

ОТЗЫВ

Официального оппонента доктора философских наук Шевцова Константина Павловича на диссертацию Егорова Павла Александровича «Гносеология эстетического опыта», представленную на соискание учёной степени кандидата философских наук по специальности 5.7.1. Онтология и теория познания.

Диссертация Павла Александровича, как видно уже из ее названия, обращается к теме обширной, можно сказать фундаментальной. Такая работа могла бы стать итогом целой жизни, посвященной разработке философской эстетики, но в данном случае мы видим амбициозную попытку молодого исследователя объять обширное поле философской мысли, впрочем, важным подспорьем ему служит ставшая традиционной за последний век манера сводить счеты с многовековой историей мысли, с ее нигилизмом, метафизикой, логоцентризмом и пр. Каковы бы ни были цели этого предприятия, оно несомненно является теперь легитимной возможностью показать превосходство новой повестки философии над предрассудками философских отцов-основателей. В любом случае, такая общая тема вполне годится для демонстрации диссертантом своей компетентности, обученности, знакомства с литературой, общими подходами и актуальной повесткой, поэтому стоит отнести это к несомненным достоинствам представленной диссертации.

Итак, диссертант ставит вопрос о чувственности как базовом уровне познания и видит возможность при разработке этой темы продвинуться в «преодолении», как он пишет, «кризисных тенденций в сфере познания, характерных для логоцентрической парадигмы классической европейской рациональности, что требует описания стратегии постнеклассических научных исследований» (стр.7). Так, сформулирована общая цель диссертационной работы, и это важно иметь в виду, чтобы избежать недопонимания, которое нередко возникает при чтении выносимых на защиту тезисов, да и самого текста диссертации. Дело в том, что название работы способно создать ложное представление, будто речь в ней пойдет о самой чувственности и будет предложен действительно новый подход к пониманию ее природы, ее места в процессах познания, однако, как мы видим из формулировки цели, и это полностью соответствует действительному содержанию работы, ее интерес преимущественно лежит в области «описания стратегии постнеклассических научных исследований». Переработкой этих подходов в основном и занимается диссертант, демонстрируя глубокую погруженность в современную литературу, освоение большого корпуса текстов и даже, я бы сказал, личную вовлеченность в эту тематику, что, конечно, можно только приветствовать. Соответственно, формулируются и задачи работы, это: постановка вопроса о кризисе европейской

рациональности и рассмотрение эстетики как некоего подхода к решению проблемы. В качестве небольшого замечания стоит указать на размытость и, скажем так, невнятную витиеватость формулировок, которые зачастую препятствуют пониманию результата, который должен быть получен в ходе исследования. Например, четвертая и, видимо, итоговая (по крайней мере, последняя) задача гласит: «Сформулировать определение гносеологии эстетического опыта и на его основе выявить варианты стратегий познания, дающих онтогносеологические преимущества в условиях кризиса классической европейской рациональности» (Стр. 7). Как понимать эти самые преимущества, есть ли критерий того, что считать преимуществом, что значит преимущества в условиях кризиса? Впрочем, замысловатость и неопределенность формулировок тоже может считаться преимуществом в условиях кризиса рациональности, ведь именно классический рационализм настаивал на критериях ясности и отчетливости мысли.

Отдельно стоит сказать о методологических основаниях диссертации, потому что здесь предложен по-настоящему комплексный подход, направленный на использование едва ли не всех возможных философских и общегуманитарных методов. Диссертант сочетает и вполне классические методы, и неклассические, и те, которые, наверное, можно назвать постнеклассическими. Здесь мы находим и *историко-философский метод*, и его оригинальные уточнения в виде *историко-эстетического* и *историко-гносеологического подхода*, и *критический метод*, в качестве варианта которого рассматривается также *метод деконструкции*, другой вариацией критического метода, несколько неожиданно на взгляд оппонента, предстает *психоанализ*, но и он раскрывается не только в своих базовых формах, как пишет диссертант, но и в модификации *ризоматического анализа*, который диссертант отождествляет с *шизоанализом*. Кроме того, важную роль в работе играет и *метод структурного анализа*, причем еще в версии лингвистики Ф. де Соссюра, а также, как указывает Павел Александрович, и в версии представителей логического позитивизма. Естественно, ключевую роль играет и *герменевтический метод*, и, наконец, последним по списку, но не по значимости, идет *диалектический метод*, а именно, кожевское прочтение Гегеля. Единственно, чего, возможно, не хватает для по-настоящему целостного охвата предмета, так это феноменологического метода, который, казалось бы, мог многое дать для анализа чувственности, тем более что феноменологическая эстетика пользуется вполне заслуженным авторитетом.

В любом случае, мы видим достаточно редкий пример использования в одном исследовании такого множества методов. Сам диссертант называет свою стратегию «полиметодологической», и полагает, что каждый метод способствует открытию особого аспекта опыта, за который этот метод отвечает. Нельзя сказать, что подобный принцип не применяется другими исследователями, но, как правило, он сталкивается с той проблемой, что использование разных методов требует независимой мета-позиции, без которой невозможно определить, где эти методы дополняют друг друга, а где

вступают в противоречие, если, конечно, мы не придерживаемся бодрой позиции методологического анархизма Пола Фейерабенда.

Стоит отметить в качестве несомненного достоинства работы ее общий план, который отличается полной ясностью. В первой главе дается обстоятельный обзор того, как проблематизируется опыт в европейской философии от Античности до Нового времени. Во второй главе рассматривается история появления эстетики как отдельной философской дисциплины, а также подробно разбирается то, какое преломление, а затем и развитие нашли в ней классические для европейской философии вопросы субъекта, реальности, понятийного и до-понятийного уровней познания. Наконец, в третьей главе предлагается современная трактовка эстетической проблематики в том числе с привлечением таких альтернативных проектов, как проект патафизики Жарри.

Перейдем теперь к содержанию текста. Первая глава дает довольно широкий и амбициозный заход на рассмотрение и переосмысление европейской традиции мысли. Подробно обсуждается судьба основополагающего разделения опыта на чувственную и разумную, а также и волевую составляющую. Немного удивляет, правда, избирательность диссертанта, поскольку история мысли берется в основном в ее рационалистической традиции. Не совсем понятно, почему в работе, посвященной проблеме чувственности, полностью игнорируется традиция эмпиризма, даже на уровне упоминания, не то, что содержательного обсуждения. Хорошо известно, насколько повлияли на постановку проблемы критической философии, а за ней и всей трансцендентальной философии, дискуссия с программой эмпиризма, не говоря уже о том, что современная аналитическая философия, к которой время от времени апеллирует автор, тоже тесно связана с англо-саксонским эмпиризмом. Есть вопросы и по выборке текстов античных и средневековых авторов. Если опираться на текст диссертации, то Платон предстает автором в основном трех диалогов: «Алквиада», «Горгия» и «Федра»; Августин – автором одной лишь «Исповеди». На будущее стоит порекомендовать Павлу Александровичу внимательнее отнестись к оригинальным текстам и следовать ясному разграничению исходного материала и наложенных на него интерпретаций. В качестве примера путаницы того и другого, можно привести толкование веры у Августина. Диссертант заимствует у интерпретаторов понимание августиновской веры как «воли к воле». Предположу, что до хайдеггеровской критики Ницше и европейского нигилизма, в рамках которой как раз и дается трактовка Воли к Власти как «воли к воле», такое словосочетание едва ли вообще использовалось кем-то в философском смысле. Само применение этого понятия к теологу, следующему павлианскому пониманию Бога как Любви, да еще и разработавшему учение о благодати, кажется, по крайней мере, дискуссионным, но диссертант как будто не видит разницы буквального смысла и интерпретации, и утверждает в качестве чего-то самопонятного и не

требующего доказательств, что вера для Августина – это ничто иное, как воля к воле.

В целом в работе с историей мысли диссертант склоняется к так называемому «субверсивному» прочтению истории, при котором мы должны иметь возможность уходить от истолкований, ставших привычными и шаблонными, и открывать возможности иных практик жизни и полагания смыслов, чем те, что давно признаны хрестоматийными. Такой подход неоднократно доказывал свою продуктивность, впрочем, надо не забывать, что он предполагает отнюдь не экономию усилий, а, наоборот, дополнительный расход сил, потому что отказ от шаблонов требует знания не только этих шаблонов, но и фактических и текстуальных оснований, на которых они когда-то были установлены и получили признание, а затем только внимательное прочтение и интерпретацию тех фактов и обстоятельств, которые оставались не востребованными в прежней модели, от которых отмахнулись как случайных и незначимых и пр.

Наконец, стоит сказать, что текст диссертации не ограничивается одной лишь критикой рационализма и логоцентризма, но и предлагает предварительный общий контур понимания чувственного опыта. Здесь мы получаем определение, которое скорее ставит интересную проблему. Диссертант говорит о чувственном переживании как о сингулярности опыта, которая образует нечто вроде нерассекаемого атома существования, в котором как-то сходятся Ничто и Нечто. Как можно понять, под Ничто здесь понимается субъект, а под Нечто бытие мира, и, очевидно, в этом изначальном опыте нет еще оснований для разделения на разум и чувственность, со всеми традиционными характеристиками разума через его всеобщность и необходимость, как и известными характеристиками чувственности через ее текучесть, множественность и пр. Не совсем понятно, почему мы считаем, что в этом случае речь идет о чувственном опыте, а не, скажем, об экзистенциальном опыте. Все-таки, для такого сложноорганизованного существа как человек чувственный опыт является частью бытия в теле, и поэтому всегда обладает некоторой артикулированностью, тогда как экзистенциальный опыт как, например, опыт ужаса у Хайдеггера, являясь опытом трансценденции, может быть и в самом деле лишен какой-либо готовой артикуляционной модели.

Возможно, предпочтение чувственного опыта связано с общей направленностью на деонтологизацию мысли, что, с точки зрения диссертанта, как раз и является основной заслугой эстетики. Следуя этой программе, Павел Александрович надеется прийти к новому обоснованию эстетики не как варианту «философии искусства», а как способу переучреждения гносеологии, в которой больше не будут господствовать понятийные и операционные модели научного разума, настаивающие на дистанции между наукой и искусством, более того, он видит будущее эстетики в том, чтобы быть также новой философией науки и техники. Трудно отказать в амбициозности такому проекту и не пожелать удачи диссертанту в его дальнейших трудах.

Заключение

В заключении можно сказать, что представленная работа обладает значительной широтой проблематики, показывает определенный уровень компетенции автора, содержит попытку оригинальной постановки проблемы современной эстетики и разработки подходов к разрешению этой проблемы. Выявленные недостатки могут быть исправлены в ходе дальнейших исследований.

Диссертация Егорова Павла Александровича «Гносеология эстетического опыта» соответствует критериям пп. 9–14 Положения о присуждении ученых степеней (утв. Постановлением Правительства № 842 от 24.09.2013 г.) (с изменениями и дополнениями), ее автор заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.1.Онтология и теория познания

Доктор философских наук, профессор, профессор
кафедры философии и социальных наук
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего
образования «Санкт-Петербургский университет
Государственной противопожарной службы МЧС
России имени Героя Российской Федерации
генерала армии Е.Н. Зиничева»

«*shvkst*» мая 2026 г.

Шевцов К. П.

Контактная информация: федеральное
государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Санкт-Петербургский
университет Государственной
противопожарной службы МЧС России
имени Героя Российской Федерации
генерала армии Е.Н. Зиничева», 196105,
Санкт-Петербург, Московский проспект
149

Тел.: +79214003616
E-mail: shvkst@list.ru

